

Комарова Людмила Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного
и административного права
Краснодарского государственного
университета культуры и искусств
ludvik18@mail.ru

**ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Аннотация:

В статье рассматриваются современные аспекты глобальных экономических реалий XX века. Особое внимание уделяется различным социально-философским концепциям глобализации мира в глобальной экономической конкуренции.

Ключевые слова:

модернизация, глобализация, геоэкономика, геополитика, турбокапитализм.

Komarova Lyudmila Viktorovna

Candidate of Law, associate professor,
professor of the chair of
state and administrative law,
Krasnodar State University of
Culture and Arts
ludvik18@mail.ru

**PROCESS OF GLOBALIZATION OF
ECONOMY IN TERMS OF
SOCIAL PHILOSOPHY**

The summary:

The article deals with modern aspects of the global economic realities of the twentieth century. Particular attention is paid to the various social and philosophical concepts of globalization of the world in global economic competition.

Keywords:

modernization, globalization, geo-economics, geopolitics, turbocapitalism.

Впервые научное осознание глобального измерения экономики было сделано К. Марксом, который писал, что «буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим» [1, с. 427].

Первые подходы к осознанию глобальных экономических реалий XX в. были сделаны во второй половине 1960-х гг., когда американский ученый Р. Купер задался вопросом сопряжения «многочисленных выгод от обширной сети международных экономических отношений, избавленных от уродующих их ограничений» и «максимальной степени свободы для каждой нации, которая стремится преследовать свои законные экономические цели» [2].

В этой связи к концу XX века возникает потребность выработать такую методологию исследования, которая рассматривала бы «взаимодействие между фактами, одни из которых не интегрированы и не могут быть интегрированы в экономическую парадигму, а другие не интегрированы и не могут быть интегрированы в политическую парадигму» [3, с. 259]. Дальнейшее исследование данной проблематики привело к возникновению концепта геоэкономики, который был сформулирован Э. Луттваком [4, с. 28–46].

Согласно концепции Э. Луттвака, современный глобализирующийся мир реализует свой конкурентный потенциал в глобальной экономической конкуренции [5, с. 37]. На мировых рынках конкурируют не столько государства, сколько независимые и слабо поддающиеся контролю национальных государственных институтов акторы, в лице крупных транснациональных корпораций. В качестве важнейших проблем современного глобализирующегося мира Э. Луттвак выделил фактическую неподконтрольность финансовых потоков, назвав возникшую ситуацию турбокапитализмом (турбулентным капитализмом). В основе турбокапитализма лежат глобальные финансовые сети, которые выступают в качестве автономных негосударственных социальных институтов, способствующих углублению разрыва между успешными и аутсайдерскими национальными экономиками. Они «взрывают» границы национальных государств, передают управление стратегическими социальными

процессами в руки негосударственных акторов, которые через систему политического участия и лоббирования стремятся подчинить себе и политические процессы [6].

Наряду с Э. Луттваком, итальянские ученые К. Жан и П. Савона видели в концепте геоэкономики конституирующуюся субдисциплину в рамках геополитической науки, отдавая приоритет государственной политике [7, с. 15]. В России методология К. Жана – П. Савона была развита Э. Кочетовым [8].

Однако представляется, что подход Э. Луттвака более плодотворен, что и доказали последующие исследования неомарксиста И. Валлерстайна. Он понимал глобальную миросистему как исторически сложившуюся социальную систему взаимозависимых частей, которые формируют ограниченную структуру и работают согласно четким правилам [9, с. 123–138].

Тем самым, исходя из вышесказанного, можно заключить, что глобальная геоэкономическая подсистема является частью глобальной миросистемы. Мы не будем подробно останавливаться на истории разработки теории систем, а уделим внимание преимущественно методологическим подходам, сформировавшимся в изучении глобальной миросистемы. Однако отдадим должное методологии изучения сложных систем А. Богдановым, утверждавшим, что сама структура системы имеет множественные подструктуры или подсистемы, находящиеся в сложной взаимозависимости [10, с. 189–190].

Применительно к роли и месту регионов в мировой геоэкономике и геополитике методологический подход А. Богданова был развит О. Янгом, анализирующим модель соответствия (конгруэнтности) и разрывов в отношениях между глобальной миросистемой и региональными подсистемами, а также между региональными подсистемами. В результате проведенного анализа он пришел к принципиально важному методологическому положению о том, что «уровни и типы разрывов способны быть относительно изменчивыми как горизонтально – в пространстве, так и вертикально – во времени» [11, с. 370–371].

Фактически О. Янг вплотную подошел к пониманию автопозиционной природы (согласно Н. Луману) миросистемы и ее подсистем, в том числе и в геополитической и геоэкономической сферах. А.Д. Богатуров, развивая методологический подход О. Янга, отметил важность большей гомогенности и стабильности региональных подсистем, создающих основания неустойчивого и постоянно нарушаемого равновесия глобальной миросистемы [12, с. 8].

Для нашего исследования, однако, важным является понимание самой глобальной миросистемы как сложного многоуровневого системного образования, в котором каждая подсистема имеет свой уровень и свои функции.

В этой связи напрашивается представление и о региональной подсистеме как многоуровневом социальном феномене, который включает в себя три уровня регионов – мегарегионы (Запад, Восток, Север, Юг), макрорегионы (Европа, Северная и Южная Америка и т. д.), мезорегионы (Западная Европа, Центральная Европа, Восточная Европа, Центральная Америка, Северная Африка, Черная Африка, Южная Африка и т. п.) и микрорегионы – Силезия, Нормандия, Кастилия, Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ).

В таком случае мы должны более пристальное внимание обратить на локальный уровень глобальной миросистемы. Но при этом придется преодолеть традиционное отождествление субъектов Российской Федерации, например, с регионами. В таком случае локальный уровень, скажем, в России будет представлен на мегалокальном уровне – субъектами Российской Федерации (для государств другого масштаба национальный уровень может быть мегалокальным), на макролокальном – районным административно-территориальным делением, на микролокальном – отдельными местными сообществами городов и сельских окру-

гов в рамках реализации политики развития местного самоуправления и децентрализации и на глобальном – на уровне отдельных домохозяйств, семей и т. п.

Полученная структура многоуровневой глобальной миросистемы позволяет применить к ней методологически важное положение Ж. Эрмана о том, что структура системы представляет собой «совокупность диахронических принципов образования и видоизменения таких синхронных соединений, принципов, которые обеспечивают самоидентичность структуры во времени», что соответствует представлению Т. Парсонса о том, что социальную систему пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих параметра: иерархия контролирующих факторов (hierarchy of controlling factors) в сторону физико-органической среды и иерархия обуславливающих факторов (hierarchy of conditioning factors) [13, с. 27–29]. Мысль Т. Парсонса о возрастающей сложности организации социальной системы от низших уровней к высшим была развита Н. Луманом и Дж. Миллером в концепции «живущей системы» и углублена в работах У. Матурана и Ф. Валера [14].

«Живущая система» (living systems) включает центр, полупериферию и периферию, которые образуют различные уровни в горизонтальном измерении, в то время как глобальный, региональный и локальный уровни образуют уровни «живущей системы» в вертикальном измерении. С усложнением нижнего локального уровня и активизацией социальной деятельности в основании пирамиды глобальной миросистемы уплотняется ткань социального пространства и социального времени. Происходит преодоление традиционной цикличности социальной деятельности, что приводит к деконцентрации управления и передачи части полномочий на региональный уровень, однако эти процессы связаны с развитием институтов гражданского общества, которые позволяют осуществить деконцентрацию. Концепт глобализации стал, по образному выражению Д. Хэлда, «масштабной идеей, которая охватывает все» [15, с. 1].

В рамках концепта глобализации, который активно разрабатывается как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе, феномен глобализации рассматривается преимущественно как трансформация природы восприятия пространства и времени [16, с. 13].

Наглядным примером этому является участие европейских регионов в управлении Евросоюзом. Это отразилось в расширении конституционных прав и полномочий регионов в социально-экономической и социокультурной областях активизации межрегиональных связей субъектов Российской Федерации и административно-территориальных единиц зарубежных стран, расположенных на различных континентах – Германии, Франции, Финляндии, США, Казахстана, Китая, что привело в конце XX века к формированию так называемого «нового регионализма» [17, с. 22].

При этом необходимо не забывать прозорливое определение М. Кастельса, который писал: «Элиты космополитичны, а массы локальны. Пространство власти и богатства простирается на весь мир, в то время как жизнь и опыт масс укореняется в городах, в культуре и истории. Итак, чем больше общественный строй базируется на событиях, которые проходят вне определенного места, тем больше глобальная власть уходит из-под общественно-политического контроля локальных сообществ и национальных коллективов, имеющих исторический характер».

По подсчетам украинского ученого А. Слиз и польского ученого М.С. Щепаньского, 10 % населения земного шара живут у условиях закрытых локальных сообществ [1, с. 6 (3–7)]. Однако, как заключают эти ученые, «даже самые замкнутые и живущие на окраинах сообщества подвергнуты внешнему влиянию» [19, с. 7].

В современной научной литературе сложились три подхода к процессам глобализации и сопутствующим им явлениям на региональном и локальном уровнях – это попытка рассматривать глобализацию параллельно с диалектически взаимосвязанными с ней про-

цессами либо локализации (глобализация vs локализация), либо регионализации (глобализация vs регионализация), или стремление представить эти взаимосвязанно протекающих процесса как триединство глобализации, регионализации и локализации, где регионализация выступает как синтез в рамках гегелевской триады «тезис – антитезис – синтез» [20, с. 170]. Этот феномен получил название «глобальный парадокс А. Несбита» [21]. Впрочем, не будем забывать, что в силу расплывчатости терминологии под процессом локализации понимаются зачастую и процессы регионализации, хотя они и являются, с социально-философской точки зрения, разнородными, разновекторными и разноуровневыми [22].

Исследователи российского регионализма уделяют преимущественное внимание внешнеполитическому контексту региональной безопасности [23], правовой базе международного сотрудничества, приграничному сотрудничеству и пришли к характеристике России как стране регионов различных скоростей развития [24].

К числу важнейших оснований региональных различий относятся социально-экономические условия, и именно на этой основе возникают, формируются ментальные и культурные различия, уходящие своими основаниями в антропоморфную среду социальной деятельности людей.

Как справедливо полагает Р.Ф. Туровский, глобальная массовая культура, привносимая в регионы путем анклавного распространения через крупные города, а с помощью современных медиа – проникающая в различные территории, вступает в конфликт или подвергается гибридизации со стороны региональных и локальных культур [25, с. 123]. Ментальная матрица населения регионов, обусловленная формами многовековой повседневной жизнедеятельности, формирует региональный характер, который является одним из существенных детерминантов регионообразования – уральский, сибирский, поморский и др. В свою очередь, специфические черты этой культурной матрицы проявляются и на локальном уровне – «вятские – ребята хватские», «мы псковские», «ярославские ребята» и т. п. Причем все уровни глобальной миросистемы представлены и институциональными формами организации. На глобальном уровне – ООН, «Всемирный банк», «Международный валютный фонд», «Гринпис», Международный фонд защиты дикой природы, транснациональные корпорации – Uniliver, Nestle, Aldi, VolksWagen и т. д., на региональном – Европейский союз, Африканский союз, АТЭС, НАТО, СНГ, федеральные округа Российской Федерации, ассоциации экономического и культурного сотрудничества субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение», «Северный Кавказ» и др., на локальном уровне – различного рода отраслевые и территориальные общественные организации и союзы.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Процессы глобализации, ускорившиеся на рубеже тысячелетий, привели к развитию еще двух взаимосвязанных процессов – регионализации и локализации; все три уровня присутствуют в глобальной миросистеме – сложном многоуровневом системном образовании, в котором каждая подсистема имеет свой уровень и свои функции.

2. Центральным, интегрирующим процессом в ходе современного социального развития стали процессы регионализации, являющиеся интегрирующим уровнем процессов глобализации и локализации.

3. В рамках глобальной миросистемы, описанной и исследованной И. Валлерстайном, можно выделить региональную подсистему как многоуровневый социальный феномен, который включает в себя три уровня регионов – мегарегионы (Запад, Восток, Север, Юг), макрорегионы (Европа, Северная и Южная Америка и т. д.), мезорегионы (Западная Европа, Центральная Европа, Восточная Европа, Центральная Америка, Северная Афри-

ка, Черная Африка, Южная Африка и т. п.) и микрорегионы – Силезия, Нормандия, Кастилия, Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ).

4. В исследовательской, политической и обыденной практике определение «регион» в России распространилось на административно-территориальное деление страны, причем при этом обходились международно-принятые определения региона; определение региона в российской практике приобрело, как, впрочем, и в ряде зарубежных работ, ситуативно обусловленный характер.

5. В таком случае мы должны более пристальное внимание обратить на локальный уровень глобальной миросистемы. Но при этом придется преодолеть традиционное отождествление субъектов Российской Федерации, например, с регионами. В таком случае локальный уровень, например, в России будет представлен на мегалокальном уровне – субъектами Российской Федерации (для государств другого масштаба национальный уровень может быть мегалокальным), на макролокальном – районным административно-территориальным делением, на микролокальном – отдельными местными сообществами городов и сельских округов в рамках реализации политики развития местного самоуправления и децентрализации и на глокальном – на уровне отдельных домохозяйств, семей и т. п.

6. Полученная структура многоуровневой глобальной миросистемы позволяет применить к ней методологически важное положение Ж. Эрмана о том, что структура системы представляет собой совокупность диахронических принципов образования и видоизменения таких синхронных соединений, принципов, которые обеспечивают самоидентичность структуры во времени, что соответствует представлению Т. Парсонса о том, что социальную систему пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих параметра: иерархия контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и иерархия обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*).

Ссылки:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1965.
2. Graz J.-K. Relation internationales et concept économique: renovations et ruptures // Le Timestre du Monde. 1994. № 36.
3. Coussi J. Economie politique international // Smous M.-S. Les nouvelles relations internationales. Practiques et theories. Paris, 1998.
4. Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict: Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. № 20.
5. Ibid.
6. Luttwak E. Turbo_Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. London, 1998.
7. Савона П. Введение // Жан К., Савона П. Геоэкономика, господство экономического пространства. М., 1997.
8. Кочетов Э. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства. М., 1999. С. 41–46, 156 ; его же. Геоэкономика и стратегия России. М., 1997. С. 18, 27.
9. Валлерстайн И. После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М., 2003.
10. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. М., 1989. Кн. 1.

References (transliterated):

1. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Vol. 4. M., 1965.
2. Graz J.-K. Relation internationales et concept économique: renovations et ruptures // Le Timestre du Monde. 1994. № 36.
3. Coussi J. Economie politique international // Smous M.-S. Les nouvelles relations internationales. Practiques et theories. Paris, 1998.
4. Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict: Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. No. 20.
5. Ibid.
6. Luttwak E. Turbo_Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. London, 1998.
7. Savona P. Vvedenie // Zhan K., Savona P. Geoeconomika, gospodstvo ekonomicheskogo prostranstva. M., 1997.
8. Kochetov E. Geoeconomika: Osvoenie mirovogo ekonomicheskogo prostranstva. M., 1999. P. 41–46, 156 ; Idem. Geoeconomika i strategiya Rossii. M., 1997. P. 18, 27.
9. Vallerstayn I. Posle liberalizma : transl. from English / ed. by B.Y. Kagarlitskiy. M., 2003.
10. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. In 2 books. M., 1989. Book 1.

11. Young O. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. V. XX.
12. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
13. Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs, 1966.
14. Miller J.G. Living Systems. New York, 1978 ; Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991 ; Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, 1980.
15. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Peraton J. Global transformations. Cambridge, 1999.
16. Jones A. Dictionary of Globalization. Cambridge, 2006.
17. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
18. Слиз А., Щепанский М.С. Локальная и региональная идентичность в процессе глобализации // Вісник СевДТУ. 2009. Вип. 94: Філософія : зб. наук. пр.
19. Там же.
20. Мегатренды мирового развития. М., 2001.
21. Naisbitt J. Global Paradox. New-York, 1997.
22. Matoba K. Global Dialogue: Transformation through Transcultural Communication. Milano, 2003.
23. Арбатов А. Национальная безопасность России в многополярном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10 ; Кочетков А. Об угрозах безопасности страны, связанных с процессами федерализации // Власть. № 6. 2000 ; Куклина И. Деформации глобальных структур безопасности и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11 ; Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999 ; Хоперская Л.Л. Факторы социально-политической стабильности и стратегия безопасности на Северном Кавказе. М., 1999 ; Игнатов В.Г. и др. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2000.
24. «Политика универсального развития для нашей страны не подходит» – интервью разработчиков новой классификации регионов России ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/448462.html> (дата обращения: 12.04.2009). Ср.: Лаво Р.С. Этнокультурная дисперсия ассирийцев в контексте глобализации. Судьбы древнейшего народа. Saarbrücken, 2011. С. 72–83.
25. Туровский Р.Ф. Культурные предпосылки. СПб., 2005.
11. Young O. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. V. XX.
12. Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. M., 1997.
13. Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs, 1966.
14. Miller J.G. Living Systems. New York, 1978 ; Luman N. Tavtologiya i paradoks v samoopisaniyakh sovremennogo obshchestva // Sotsiologiya. Antropologiya. Metafizika. M., 1991 ; Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, 1980.
15. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Peraton J. Global transformations. Cambridge, 1999.
16. Jones A. Dictionary of Globalization. Cambridge, 2006.
17. Vostok/Zapad. Regional'nye podsistemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy. M., 2002.
18. Sliz A., Shchepan'skiy M.S. Lokal'naya i regional'naya identichnost' v protsesse globalizatsii // Visnik SevDTU. 2009. Issue 94: Filosofiya : zb. nauk. pr.
19. Ibid.
20. Megatrendy mirovogo razvitiya. M., 2001.
21. Naisbitt J. Global Paradox. New-York, 1997.
22. Matoba K. Global Dialogue: Transformation through Transcultural Communication. Milano, 2003.
23. Arbatov A. Natsional'naya bezopasnost' Rossii v mnogopolyarnom mire // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. No. 10 ; Kochetkov A. Ob ugrozakh bezopasnosti strany, svyazannykh s protsessami federalizatsii // Vlast'. No. 6. 2000 ; Kuklina I. Deformatsii global'nykh struktur bezopasnosti i Rossiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1999. No. 11 ; Lunev S.I. Vyzovy bezopasnosti yuzhnykh granits Rossii. M., 1999 ; Khoperskaya L.L. Faktory sotsial'no-politicheskoy stabil'nosti i strategiya bezopasnosti na Severnom Kavkaze. M., 1999 ; Ignatov V.G., et al. Problemy obespecheniya obshchenatsional'noy bezopasnosti na Severnom Kavkaze. Rostov n/D, 2000.
24. "Politika universal'nogo razvitiya dlya nashey strany ne podkhodit" – interv'yu razrabotchikov novoy klassifikatsii regionov Rossii IA REGNUM. [Electronic resource]. URL: <http://www.regnum.ru/news/448462.html> (date of access: 12.04.2009). Compare.: Lavo R.S. Etnokul'turnaya dispersiya assiriytsev v kontekste globalizatsii. Sud'by drevneyshego naroda. Saarbrücken, 2011. P. 72–83.
25. Turovskiy R.F. Kul'turnye predposylki. SPb., 2005.